

Военная фантастика

Ерофей ТРОФИМОВ

ШАТУН

Шатун

Лесной гамбит

Кровь на клинке

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т76

Серия «Коллекция. Военная фантастика»
Выпуск 73

Иллюстрация на обложке *Сергея Курганова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

Трофимов, Ерофей

Т76 Шатун: Шатун. Лесной гамбит. Кровь на клинке: сборник / Ерофей Трофимов. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2024. — 752 с. — (Коллекция. Военная фантастика).

ISBN 978-5-17-170068-3

Спецназ учат многому, но никому и в голову не придёт учить бойца, как вести себя в случае, если вдруг оказался в другом мире. А точнее, в прошлом собственной страны. Но если ты офицер и давал родине присягу, то выход только один. Вживаться в новые реалии и снова защищать родину. Так, как привык это делать в прошлой жизни. Но прежде надо просто выжить. Выживать, оставаться собой и вспоминать всё, чему тебя когда-то учили...

Волею случая я здесь — в своей стране, но в прошлом. 1870 год... Кажется бы, это время романтиков и благородных героев, но на деле — это время жестокой и кровавой войны, войны с беспощадным и хитрым врагом.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-170068-3

© Ерофей Трофимов, 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

Шатун

Группа выскользнула на опушку леса и, тут же оттянувшись немного назад, встала на привал. Они шли уже третьи сутки, так что немного передохнуть и осмотреться было просто необходимо. Командир группы, капитан с позывным Секач, жестами расставил бойцов на фишку, а сам принялся сканировать эфир при помощи небольшого сканера. Убедившись, что ничего лишнего не звучит, Секач убрал хитрый прибор и, улегшись на спину, закинул натруженные ноги на ствол дерева, давая им отдохнуть.

— Командир, — еле слышно прошептал молодой лейтенант, попавший в группу несколько месяцев назад, но уже успевший нажить себе личный позывной. — Глянь на десять часов.

— Что там? — моментально подобрался капитан.

— Непонятно. Вроде как капище какое-то.

— И что? Ты в сектанты податься решил? — иронично заинтересовался Секач, успокаиваясь.

— Интересно стало, — смутился молодой офицер.

— Интересно ему. Ты, прежде чем панику разводить, лучше бы вспомнил, где находишься. И заметь, я сейчас не про то, чем мы заняты, а про наше географическое местоположение.

— А что с ним не так? — не понял лейтенант.

— Это Кавказ, сынок. Земля древняя, еще с библейских времен известная, — наставительно ответил капитан, пряча улыбку в уголках глаз. — Хотя ты, пожалуй, и слов таких не знаешь. Жертва ЕГЭ.

— Вот ты не поверишь, командир, я Библию даже в руках держал, — отшутился лейтенант.

— Ну, ежели ты такой грамотный, тогда ответь мне, отрок, в какой части там места здешние упоминаются?

— Ну, Ной к горе Арарат пристал.

— Пристают к бабе, а он причалил, — тут же поддел его капитан. — Вот об этом я и говорил. Древняя это земля, — доба-

вил он, укладываясь обратно на траву. — Ладно, бди дальше. Ты у нас глазастый, может, чего полезного и высмотришь.

Сообразив, что разговор окончен, лейтенант аккуратно вернулся на опушку и, поднеся к глазам небольшой, но мощный бинокль, принялся осматривать небольшую долинку, к которой вышла группа. Вот уже трое суток они играли с «духами» в кошки-мышки, ускользя от преследователей, словно тени. Свою задачу группа выполнила. Лагерь противника был обнаружен, и вся нужная информация уже ушла куда надо. Так что теперь им требовалось только вернуться на базу без потерь. Но «духи» каким-то образом узнали о них и теперь преследовали с упрямством обреченных.

Секач уже несколько раз удивлялся такому упрямству и делал все, чтобы увести людей без боя. Слишком не равны были силы для прямого противостояния, а вызывать вертушку для эвакуации означало подставить пилотов под удар. Вооружен противник был весьма серьезно. Вот и шли они по зеленке, путая следы и используя разные хитрости. Спустя сорок минут Секач подал команду, и группа, все так же бесшумно поднявшись, отправилась дальше.

Выходить на открытое пространство в таких условиях было глупо, так что капитан повел своих бойцов в обход долины, по самой кромке леса. Идти пришлось по-мужски, налево. Справа, в том месте, где любопытный лейтенант обнаружил что-то вроде капища, был скальный выступ, на штурм которого ушло бы много времени и сил. Но едва только они добрались примерно до середины долины, как группу обстреляли из зеленки.

Моментально сообразив, что группа попала в ловушку, Секач приказал залечь. Их действительно зажали и старательно отжимали огнем на открытое пространство. Противник понимал, что опытные, специально обученные бойцы могут крепко потрепать его, так что в ближний бой не лез и старательно давил позиции группы массированным огнем. Секач, зная, что долгого боя им не выдержать, банально боеприпасов не хватит, приказал группе начать движение вперед. Нужно было прорываться, и направление у них было только одно. В лес.

Скользя в подлеске словно тени, бойцы подобрались к противнику на бросок ножа и уже ждали команды на прорыв, когда в воздухе раздался характерный свист, и тут же последовал взрыв. Вот теперь все стало окончательно ясно. Их специально удерживали на этой позиции, чтобы подставить под миномет-

ный обстрел. Похоже, их и вправду уважали, если решили прикончить группу таким сложным способом. Таскать по лесу даже легкие минометы то еще занятие.

Понимая, что дело пахнет жареным, Секач отдал команду на прорыв, и бойцы, выметнувшись из кустов, вломились в ряды «духов», словно демоны смерти. Их недаром учили долго и старательно. Из полусотни отжимавших группу «духов» противостоять им в прямом бою не мог никто. Они почти прорвались, когда на точку столкновения посыпались мины. Похоже, командир противника решил любой ценой не выпустить бойцов, даже сделав из своих подчиненных шахидов.

В пылу схватки группа разделилась, и позиционный бой рассыпался на несколько очагов. Вертясь волчком, молодой лейтенант начал медленно отходить назад и очень скоро оказался на опушке. Сообразив, что таким образом он превратился в мишень, боец упал в траву и, перекатившись, быстро сменил магазин в автомате. Патроны подходили к концу. Оставался еще «Грач» с тремя запасными магазинами, нож и граната. Вот ее лейтенант решил использовать как последний аргумент.

Но, похоже, «духи» в полной мере оценили выучку бойцов группы. Подходить они даже не пытались. Продолжали давить огнем, отжимая лейтенанта к скальному выходу. Огрызаясь короткими очередями и постоянно меняя позицию, он вдруг сообразил, что отступать дальше просто некуда.

— Эй, лейтенант. Шатун, отзовись! — вдруг послышался крик.

Голос звучал с насмешкой, а в речи, хоть и правильной, явно слышался акцент.

— Бросай оружие. Жить останешься. Обещаю, — между тем продолжал говорить неизвестный. — Сам видишь, если я даже твой позывной знаю, то мне есть, с кем связаться, чтобы за тебя выкуп потребовать. Сдавайся.

«Сдали», — словно разряд тока пронзила лейтенанта мысль.

Кто-то сидящий достаточно высоко просто слил всю группу. Заскрипев от злости зубами, Шатун ловко отстегнул от автомата магазин и, взглядом оценив количество оставшихся патронов, вернул его на место. Что ж, раз уж так сложилось, значит, это будет его последний бой. Снова сменив позицию, Шатун чуть приподнялся и быстро выстрелил одиночным по едва заметному силуэту. Сдавленный вскрик послужил ему сигналом, что он не промахнулся.

Новый пережат, выстрел и вскрик. Шатун действовал, как на полигоне. Все страхи, волнение, все чувства куда-то отступили, сменившись глухой, звенящей пустотой. Это был его последний бой, и он использовал все, чему его когда-то учили. После седьмого результативного выстрела послышались гортанные команды, и в воздухе снова раздался знакомый свист. Похоже, «духи» решили оставить затею взять его живым. Разрыв легкой мины заставил лейтенанта вжаться в землю.

Но как только над головой просвистели осколки, Шатун вскочил на ноги и метнулся под самую скалу. Но, похоже, именно этого маневра от него и ждали. В воздухе просвистело сразу несколько мин, а дальше раздалось четыре разрыва подряд. Вскочив, Шатун помчался вдоль скалы, пытаясь уйти в зеленку, но следующие две мины разорвались раньше, чем он успел залечь. Оба снаряда легли рядом. Бойца подбросило и со всего размаху кинуло на скалу.

Шатун едва успел прикрыть лицо автоматом, когда всем телом грянулся о камень. Резкая вспышка, долгий, противный звон в ушах... и темнота, очень скоро сменившаяся каким-то серым маревом, навроде тумана. Верх и низ пропали. Пропало всё. Вкус, цвета, запахи, звуки. Осталось только ощущение невесомости и долгая, непрерывная боль. А еще сложилось впечатление, что его куда-то несет, словно щепку по бурному ручью. Шатун не понимал, что происходит, но сопротивляться не было ни сил, ни желания.

Он потерял счет времени, но вдруг сквозь боль и все тот же звон краем ускользающего сознания Шатун услышал тихие, едва различимые слова:

— Сил мало. Жаль. Жаль его.

«Чего ему жаль? Каких сил? Кого он вообще жалеет?» — успел подумать лейтенант, когда вдруг ощутил удар.

Очередная вспышка боли заставила его глухо вскрикнуть и взять себя в руки. Первое, что он понял, — пахло сырой землей и прелыми листьями.

«Почему прелыми? — мелькнула дикая мысль. — Мы же в середине лета. Откуда тут осенний запах?»

Потом он расслышал птичий гомон и, кое-как открыв глаза, с трудом приподнял голову. Сквозь слезы Шатун сумел рассмотреть перед собой какой-то просвет, и уже не понимая, что делает, медленно пополз вперед, волоча за собой перебитые ноги.

Первое, что он почувствовал, едва начиная приходить в себя, сильная, бесконечная боль. Она не проходила и не унималась, выматывая душу и заставляя сильного тренированного мужчину едва слышно скулить, словно крошечного, потерявшегося щенка. От этой боли было только одно спасение — забытье, и именно в него Шатун провалился, так и не поняв, что происходит вокруг.

Сколько это продолжалось, он не знал. Впрочем, подобные вопросы интересовали его в тот момент меньше всего. Очнувшись в очередной раз, он ощутил дикую жажду и, кое-как собравшись с силами, попытался в голос произнести только одно слово:

— Воды.

Шатун и сам не понял, что у него получилось, но кто-то рядом, тяжело вздохнув, зашевелился. Потом в губы ткнулось что-то твердое и шершавое, а потом в рот полилась холодная живительная влага. Давясь и захлебываясь, Шатун буквально впитал лившуюся в него воду и, слегка ожив, попробовал поднять руку, чтобы перехватить сосуд с водой поудобнее, но чья-то крепкая мозолистая рука удержала его движение, а над головой раздался странный голос, с акцентом произнесший:

— Тихо будь. Нелза шебуршат. Лежи. Я дам, что хочешь.

— Кто вы? — прохрипел Шатун, делая очередную попытку поднести руку к лицу и убрать то, что мешало ему смотреть.

— Тихо будь, — повторил тот же голос. — Глаза целый, лицо сильно поранетый. Потом сниму.

«Лицо? А с остальным что?» — успел подумать лейтенант, в очередной раз проваливаясь в забытье.

Следующее пробуждение оказалось чуть приятнее. Изматывавшая его боль куда-то отступила, сменившись нудным тянущим ощущением во всем теле. Но главное, что на глазах не было никаких повязок. Так что в этот раз, едва проморгавшись от резанувшего по глазам света, он смог немного оглядеться. Первое, что бросилось лейтенанту в глаза, роскошный ковер, висевший на стене рядом с местом, где он лежал.

Скосив взгляд в другую сторону, Шатун вдруг понял, что находится в помещении, очень напоминающем саклю в горном ауле. Глинобитные стены, беленные известью, ковры, небольшие окошки, затянутые бычьим пузырем. На полу палас руч-

ной работы, а под окном грубый самодельный стол из жердей. Дверь толстая, из грубо оструганных досок на кованых широких петлях.

Повернуть голову набок получилось с огромным трудом. Шатун даже услышал скрип, словно от несмазанных шарниров. Сообразив, что такая реакция мышц бывает, только если человек долгое время лежит без движения, лейтенант попытался понять, как долго он тут валяется. А потом нахлынули воспоминания. Разом. Одним потоком. Словно кто-то открыл в голове шлюз.

— Твою мать! Так ведь нас же слили! — вскинулся Шатун и тут же со стоном упал обратно на лежанку. — Выходит, парни все погибли, — еле слышно выдохнул лейтенант, отдышавшись. — Ну, и куда меня занесло? Неужели лечат, чтобы потом выкуп получить? Чушь. Не стали бы «духи» ради такой мелочи со мной возиться. Добили бы на месте и ушли. Выходит, я не у «духов», а где тогда?

Словно в ответ на его вопрос в комнату вошла женщина чуть старше средних лет, в старинном костюме горянки. Длинное глухое платье в пол, косынка, завязанная так, что открытым оставалось только лицо, и широкий передник, в котором женщина что-то принесла. Не глядя на него, она подошла к столу и принялась выкладывать из передника пучки каких-то трав и ягоды, сорванные вместе с веточками.

— Здравствуйте, уважаемая, — негромко произнес Шатун, с интересом разглядывая женщину.

— Здравствуй, — спокойно кивнула та, продолжая возиться с травами.

— Скажите, кто вы и где я нахожусь? — задал лейтенант главные для него вопросы.

— Хизарат меня называй. У меня дома ты, — коротко ответила женщина, не поворачиваясь к нему.

— А у вас дома это где? Где ваш дом находится? — попытался продолжить допрос лейтенант.

— Горы, — все так же спокойно отозвалась женщина.

— И как я тут оказался? — не унимался Шатун.

— Я привез, — пожала женщин плечами. — Ты на дорога лежал. Весь в кровь. Я из аул ехал. Арба тебя положил и сюда привез.

— Что со мной? — уточнил Шатун, осмыслив услышанное.

— Не знаю. Я такой рана еще не видел. Словно барс драл. И много кости сломано. Лицо тоже рваный. Хорошо, глаза целый.

— Барс драл, — тихо повторил лейтенант, вспоминая события последних минут боя. «И вправду, похоже, если сильно осколками посеколо. И переломы тоже понятны. Непонятно одно, откуда в том месте дом взялся? Мы же там почти всю округу облазили. И потом, когда отбивались, тоже пару раз по всей опушке прокатились. Такую канонаду сложно было не услышать. Выходит, я умудрился куда-то в другое место уползти. Но как? Если эта тетка правду сказала, то я должен был уже метров через двадцать кровью истечь».

— А где мои вещи? — очнувшись от размышлений, поинтересовался Шатун.

— Какой вещи? — впервые за все время разговора проявила женщина хоть какие-то эмоции. — Не был никакой вещи. Ты голый бил.

— Как голый? — охнул Шатун, сообразив, что она говорит. — Совсем?

— Савсэм, — решительно кивнула тетка. — Как только родился. Только раны и кров бил.

— Может, ограбили? — растерянно предположил Шатун, лихорадочно пытаюсь вспомнить, раздевался он сам или нет.

— Нэт. Слэд на дорога не бил. Толко твой кров на земля. Потом покажу, откуда ты ползал.

«Блин, прояснил ситуацию. Только еще больше все запуталось, — подумал Шатун, тяжело вздохнув. — И что мне теперь делать? Блин, вот положение. Ни связи, ни оружия. Даже штанов нет. Как же доложить, что группы больше нет и нас слили? Твою мать, я даже на местности сориентироваться не могу».

— Долго мне тут еще лежать? — спросил лейтенант, снова повернувшись к хозяйке.

— Пока кост заживет, — все так же бесстрастно пожала та плечами.

— А как давно я у вас?

— Два месяц. Не бойся. Я кост хорошо сложила. Как новый будет. Я давно людей лечу. Еще никто не умер.

— Хоть это радует, — растерянно проворчал Шатун.

— Тихо лежи, — вдруг посоветовала женщина. — Тихо будешь, рана быстро заживет. Кост уже срастался. Терпи. Ты мужчина. Должен терпет.

— Да я терплю, — снова вздохнул Шатун. — Но у меня много дел не закончено. Срочных. И за меня их никто не сделает.

— Нет больше никакой дело, — помолчав, тихо ответила женщина. — Теперь у тебя другой дело будет.

— Как это? О чем вы? — подобрался Шатун.

— Потом узнаешь, — тряхнув головой, отрезала хозяйка. — Сейчас рано.

— Послушайте, может, у вас тут хоть какая-то связь есть? — спросил Шатун, что называется, на удачу. — Вы поймите, это очень важно. Могут хорошие люди пострадать, если я не сообщу то, что знаю.

— Какой связь? Нэт связь, — решительно тряхнула женщиной головой. — Лошад ест, но ты на нее сесть не можешь. Твой ноги еще слабый.

«Твою мать! Да куда ж меня занесло?» — взвыл про себя Шатун, окончательно запутавшись.

— А какой город тут рядом есть? — не сдавался он.

— Нэт город. До город два день верхом на бистрый конь ехат.

— Галопом? — тупо уточнил лейтенант, чувствуя, как на коротко стриженной голове начинают шевелиться волосы.

— Да.

«Это получается примерно сотня верст, плюс минус лапоть», — прикинул Шатун и, в очередной раз вздохнув, тихо проворчал:

— Думаю, про почтовый адрес данной местности спрашивать бесполезно.

— Не надо спрашивать, — неожиданно кивнула хозяйка. — Время придет, все сам узнаешь.

Несмотря на ее акцент, в процессе разговора Шатун начинал все лучше и лучше понимать ее. Однако это никак не проясняло сложившуюся ситуацию. Понимая, что так ничего и не выяснил, лейтенант откинулся на подушку и принялся мысленно проверять собственное тело. Долгие тренировки и увлечения самыми разными видами спорта, в которых он пробовал свои силы, давно уже научили его чувствовать свой организм.

Тело плохо, со скрипом и болью, но подчинялось. Понимая, что, пролежав в постели два месяца, иначе и быть не могло, Шатун принялся поочередно напрягать и расслаблять различные группы мышц, чтобы хоть как-то привести их в тонус. Хозяйка, закончив с травами, вышла, но, вскоре вернувшись, с порога спросила, внимательно глядя на него:

— Что дать? Что хочешь?

— Я бы поел чего, — смутился Шатун, неожиданно ощутив голод.

— Хорошо. Кушать хочешь, значит, здоровье будет, — кивнула хозяйка, чуть улынувшись.

Она снова вышла, чтобы вернуться минут через двадцать с широким медным подносом в руках. Поставив его на стол, женщина подошла к лежанке и, ни слова не говоря, ловко подсунув ладонь под шею своему пациенту, с неожиданной силой приподняла его торс. Подложив подушку так, чтобы лейтенант оказался в сидячем положении, она переставила поднос ему на колени и, кивая на глиняный горшочек, сообщила:

— Пити горячий. Осторожно кушай.

Вспомнив, что пити — это кавказский пряный суп с говяжьей и алычой, Шатун судорожно сглотнул набежавшую слюну. Такое блюдо он пробовал, когда группа только приехала на базу в Моздок. У них было время, чтобы немного побродить по городу и попробовать местную кухню. Схватив с подноса деревянную ложку, Шатун снял с горшочка крышку и, зачерпнув горячего, ароматного варева, не раздумывая, отправил ее в рот. Откусив от толстого куска кукурузного хлеба, лейтенант вдруг замер, словно громом пораженный.

И поднос, и горшочек, а самое главное, ложка, все эти предметы носили следы кустарного изготовления. Испуганно глядя на предметы домашнего обихода, он вдруг понял, что окончательно теряет связь с реальностью. Этого не могло быть, но это было. Было на самом деле. Жжение во рту заставило его очнуться и проглотить пищу. Специй и перца хозяйка не жалела. Непривычного Шатуна даже в пот бросило.

Тряхнув головой, лейтенант не спеша съел все принесенное до крошки и, с удовлетворением вздохнув, еле слышно проворчал:

— Ладно. Коли доктор сыт, так и больному легче. Но блин, куда ж меня все-таки занесло? Нет, то, что это Кавказ, и слепому ясно. Но где именно я на Кавказе?

Монолог этот прервала хозяйка, войдя в комнату с очередным подносом. Но на этот раз гораздо меньшего размера. На подносе оказался кавказский грушевидный стаканчик и плошка с медом.

— Хорошо кушаешь. Быстро здоровый станешь, — одобрительно проворчала хозяйка, забирая у него опустошенный